

Воробей Инна Александровна

БЕДНЫЕ КАК НОВЫЙ ТИП ЛЮДЕЙ В "ЧАСОСЛОВЕ" Р. М. РИЛЬКЕ

Статья посвящена комплексному анализу и интерпретации поэтического концепта "Бедность" в цикле "Часослов" Р. М. Рильке. Автор предлагает герменевтико-лингвистический метод исследования поэтического концепта с учётом процессов рассеяния и кристаллизации смысла. Основное содержание статьи посвящено интерпретации изучаемого концепта. Наряду с уровнем значения анализируется смысловой уровень концепта. Поэтические смыслы образуют отличный смысл концепта на базе общепринятого значения. Проанализированы лексическая и смысловая структуры концепта. Установлены взаимосвязи с другими концептами цикла.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 95-102. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. **Российский гуманитарный энциклопедический словарь:** в 3-х т. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2002. Т. 1. А-Ж. 688 с.
17. **Савчук Б.** Українська етнологія. Івано-Франківськ: Лілея, 2004. 559 с.
18. **Словник української мови:** в 11-ти т. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1970. Т. 1. 799 с.; 1971. Т. 2. 550 с.; 1972. Т. 3. 744 с.; 1973. Т. 4. 840 с.; 1976. Т. 7. 723 с.; 1977. Т. 8. 927 с.; 1978. Т. 9. 916 с.; 1980. Т. 11. 700 с.
19. **Талибов Б. Б., Гаджиев М. М.** Лезгинско-русский словарь / под ред. Р. И. Гайдарова. М.: Советская энциклопедия, 1966. 281 с.
20. **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XXI, 2008. 456 с.
21. **Українські приказки, прислів'я і таке інше:** уклад М. Номис / Упоряд., приміт. та вступна ст. М. М. Пазяка. Київ: Либідь, 1993. 768 с.
22. **Фатахов А.** Избранное [Электронный ресурс]. URL: http://lezgikim.narod.ru/Pages/Biblioteka_Lezgi_Litra.html (дата обращения: 04.05.2015).

THE PECULIARITIES OF SPEECH BEHAVIOR OF THE UKRAINIANS AND THE LEZGHINS IN THE SITUATION OF "HOSPITABILITY"

Vetrova El'vira Sabirovna, Ph. D. in Philology
Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
vetrova-75@ukr.net

The article examines the peculiarities of the speech behavior of the Ukrainians and the Lezghins in the situation of "hospitality". The typical speech expressions, serving various stages of this ritual, are analyzed. It is found out that the hospitality possesses a number of universal characteristics. However its speech realization in the communicative practice of the Ukrainians and the Lezghins has a national specificity, conditioned by the customs, moral principles of ethnic groups, and also ancient influence of nature-climatic and socio-historical factors.

Key words and phrases: hospitality; guest; host; etiquette formulas of greeting, invitation, farewell; the Ukrainians; the Lezghins.

УДК 81'42:821.112.2

Статья посвящена комплексному анализу и интерпретации поэтического концепта «Бедность» в цикле «Часослов» Р. М. Рильке. Автор предлагает герменевтико-лингвистический метод исследования поэтического концепта с учётом процессов рассеяния и кристаллизации смысла. Основное содержание статьи посвящено интерпретации изучаемого концепта. Наряду с уровнем значения анализируется смысловой уровень концепта. Поэтические смыслы образуют отличный смысл концепта на базе общепринятого значения. Проанализированы лексическая и смысловая структуры концепта. Установлены взаимосвязи с другими концептами цикла.

Ключевые слова и фразы: поэтический концепт; поэтическое слово; рассеяние смысла; кристаллизация смысла; Рильке; «Часослов»; «бедность»; «бедные».

Воробей Инна Александровна, к. филол. н.
Сургутский государственный университет
inna-sasha@rambler.ru

БЕДНЫЕ КАК НОВЫЙ ТИП ЛЮДЕЙ В «ЧАСОСЛОВЕ» Р. М. РИЛЬКЕ

В настоящее время исследованием концепта преимущественно занимаются когнитивное и лингвокультурологическое направления лингвоконцептологии. Имеется большое количество работ, посвященных исследованию общеязыковых концептов, предлагаются различные подходы к изучению и методы исследования концептов [2; 3; 6; 8; 12; 13].

«Когнитивистское понятие "концепта" воспринимается поэтологами как существенная новация, позволяющая проникнуть в загадки и художественного мира вообще, и поэтического в частности» [7, с. 4]. В фокусе исследований лингвистической поэтики находится поэтическое слово, которое служит средством доступа к поэтическому миру автора. Поэтическое слово не может существовать вне поэтического мира, без него оно теряет свой поэтический смысл и становится обычным словом. Поэтическое слово, вбирая в себя новые смыслы, способно преобразоваться в поэтический концепт.

Для лингвистической поэтики мы предлагаем понимать под поэтическим концептом – ментальное многомерное образование, единицу поэтического мира, отмеченную высокой образностью, предельным душевным напряжением, эмоциональным переживанием, материализующуюся при помощи языка. Решающим при исследовании поэтического концепта является понятие «смысл», то есть понимание текста или его части (например, слова или поэтического концепта в данном корпусе текстов), реализованное читателем и (предположительно) предусмотренное автором.

Поэтический концепт имеет две формы актуализации в тексте:

1) ключевое слово, наращивая свою смысловую энергию, становится концептом. В этом случае точкой входа в концепт служит ключевое слово, группирующее вокруг себя остальную лексику. Примером таких концептов в творчестве Рильке могут быть концепты «бог» и «ангел» [4; 15; 16];

2) смыслы поэтического концепта опредмечиваются многими лексическими единицами и их сочетаниями. Лексема, служащая точкой входа, не относится к ключевым, частотным лексемам текста. Поэтому при составлении частотных словарей эти концепты могут выпадать из поля исследования.

Для исследования поэтического концепта, реализованного многими лексическими единицами, мы предлагаем метод, состоящий из следующих шагов:

1. Метод текстового анализа Р. Барта, который совпадает с процессом чтения, но происходит как бы в замедленной съёмке. Этот метод состоит из трёх этапов: 1) «текст расчленяется на короткие сегменты, 2) прослеживаются смыслы лексем, 3) производится последовательный анализ сегментов» [16, с. 16]. Данный метод был успешно использован для анализа «Дуинских элегий» Рильке И. П. Черкасовой [Там же]. Этот этап позволяет установить имплицитные смыслы и выявить концепты.

2. Выделяются и анализируются частотные смыслы и репрезентирующие их лексические единицы.

3. Обобщаются данные о кристаллизации и рассеянии смысла (метод герменевтического круга). Под кристаллизацией смысла мы предлагаем понимать формирование однозначного непротиворечивого глобального метасмысла из частных, элементарных смыслов, подтверждающих и/или обновляющих его. Рассеяние – это процесс формирования смысла, при котором невозможно частные, элементарные смыслы объединить в один непротиворечивый глобальный метасмысл путём категоризации.

Одним из поэтических концептов, реализованным многими лексическими единицами, в «Часослове» Р. М. Рильке является концепт «Бедность» («Armut»). Точкой входа в концепт служит лексема «Armut», которая встречается в цикле всего 7 (семь) раз. Основной лексемой, реализующей концепт, служит лексема «Arme(n)» с частотой употребления 21 раз. Концепт актуализируется в среднем в 17 стихотворениях третьей части цикла «Книги о бедности и смерти» («Das Buch von der Armut und vom Tode»). Основные концепты этой книги заявлены в названии. Центральной проблемой третьей части является вопрос об онтологическом статусе современного буржуазного мира. В этой части цикла лирический герой оказывается в мире большого буржуазного города, который противопоставлен миру природы, в котором нет места богу.

Понятия «бедность» и «смерть», о которых рассуждает лирический герой, для большинства людей имеют негативные коннотации. Но в третьей части цикла они выступают как позитивные явления, позволяющие человеку понять себя и найти свое место в мире. Бедность понимается не как социально-экономический, а как экзистенциальный феномен.

Поэтический концепт «Бедность» представляет собой динамичный культурный конструкт, состоящий из двух частей: 1) общеязыковой и 2) индивидуально-авторской. В общеязыковой части концепта отражаются общие, привычные представления о бедности как об отсутствии богатства. Основное семантическое значение ключевого слова *Arme* (бедные) послужило основой общеязыковой части концепта. Вторая часть концепта, включающая в себя индивидуально-авторские лексемы, отличается многочисленностью лексем, их отличием от общеязыковых определений, неожиданностью, необычностью и яркостью.

Поэтический концепт «Бедность» в «Часослове» рассеивается в трёх основных направлениях, то есть образует три основных метасмысла:

1. Бедность – атрибут бога.
2. Бедные как новый тип людей.
3. Идеальный бедный.

В предлагаемой статье исследуется второй, самый объёмный и самый значимый, метасмысл концепта «Бедность» – «Бедные как новый тип людей». Развёртывание метасмысла начинается с описания богатства как явления, противоположного бедности. В первый раз упоминание о бедных встречается в стихотворении «*Dann sah ich auch Paläste, welche leben*» [10, с. 134-135] / («Но есть дворцы, спесивы, словно павы» [11]). В цикле данное стихотворение следует после стихотворений, описывающих отрицательную суть больших городов, которые искажают основные законы бытия. Дворец в парке сравнивается с птицей, которая обладает плохим голосом, то есть не соответствует своему предназначению – петь. Единственным достоинством дворцов считается богатство и красота. Однако то, что сегодня в городах считается богатством, с точки зрения лирического героя не является истинным богатством:

*Dann sah ich auch Paläste, welche leben;
sie brüsten sich den schönen Vögeln gleich,
die eine schlechte Stimme von sich geben.
Viele sind reich und wollen sich erheben, –
aber die Reichen sind nicht reich* [10, с. 134].

Но есть дворцы, спесивы, словно павы,
а голосом – совсем как пугачи.
Живут, как птицы-цацы, величаво,
богатством ищут почестей и славы,
но не богаты богачи [11].

В прежние времена богатство давалось людям природой. Богатыми считались кочевые племена / (*die Herren deiner Hirtenvölker*), шейхи пустынь / (*jene Scheichs der Wüstenstämme*) (здесь и далее в тексте перевод автора, если не указано иное – И. В.), так как они жили в согласии с природой. Люди прежних времён не отделяли себя и не противопоставляли себя природе в отличие от людей сегодняшнего времени. Их богатство имело запах природы – *der Geruch der Rinderherden* / (запах стад), то есть оно было живым, в отличие от сегодняшнего золота без запаха:

.....*jene Fürsten, die des Golds
nicht achteten, das keinen Duft erfand,
und deren stolzes Leben sich verband
mit Ambra, Mandelöl und Sandelholz* [10, с. 134-135].

И не как те князья, кому не жаль
бывало заплатить за аромат
безвонным золотом, кому стократ
милее были амбра и миндаля [11].

Смысл «запах» имеет большое значение в поэзии Рильке. Запахи, описываемые в стихотворении, – это запах природы, а значит, и самой жизни. Атрибуты, употребляемые для описания запахов, те же, что и употребляемые для описания концепта «Жизнь» («Leben»): *warm* / (тёплый), *schwer* / (тяжёлый) [5].

Государь восточной страны сокрушался о невозможности продлить свою жизнь (*weil aus allen Paradiesen nicht eine Stunde seine war* [10, с. 135] / даже час единый в земном раю своим назвать не мог [11]). Торговцы пытались увековечить себя в картинах, то есть при помощи искусства (*die sorgten, wie sie ihre Wirklichkeit mit Bildern ohnegleichen überträfen und ihre Bilder wieder mit der Zeit* [10, с. 135] / чтоб его портрет и лик и явь превосходил сторицей, и жил на памяти у долгих лет [11]). Богатство истинно богатых состояло в их единстве с жизнью, богом и искусством.

Последнее четверостишие подводит итог: истинно богатые жили *своей* жизнью [5], которая была бесконечно широка, тепла и тяжела. Следует отметить, что в цикле под природой понимается жизнь-вообще, бытие в смысле сущего в целом [14, с. 307].

Но пришло время больших городов, время индустриализации, время господства машинного труда, которое исказило суть истинного богатства. Под богатством в сегодняшнее время понимается наличие собственности и золота. Исходя из прежнего понимания богатства как дара природы, лирический герой делает вывод, что современные богатые в действительности не богаты. В соответствии с этим изменилось и понимание бедных, сегодняшние бедные – это просто *nicht-reichen* / (не-богатые), люди, не имеющие собственности.

В рассматриваемом стихотворении лирический герой указывает на существование двух видов богатства и двух видов бедности. Первый тип богатства – это богатство, данное природой, не нарушающее законы жизни, бытия. Второй тип богатства – наличие золота, собственности, богатство большого города. Различается два типа бедности: внешняя и внутренняя. Внешняя бедность – явление социально-экономическое, это противопоставление к богатым большим городам. Второй тип – внутренняя бедность как экзистенциальный феномен.

В стихотворении «*Sie sind es nicht. Sie sind nur die Nicht-Reichen*» [10, с. 136] / («Нет, не бедны они, а небогаты» [11]) описание бедных имеет негативную коннотацию. Для их описания используются лексические единицы, связанные с грязью, испорченностью, ненужностью. Они изображаются как отбросы большого города: *entblättert und entstellt* / (ободраны и обезображены); *aller Staub der Städte* / (вся пыль городов); *aller Unrat hängt sich an sie an* / (все нечистоты прицепились к ним); *verrufen wie ein Blatternbette* / (опорочены как постель больного оспой); *wie Scherben fortgeworfen* / (выброшены как черепки); *wie Skelette* / (как скелеты); *wie ein Kalender, dessen Jahr verrann* / (как календарь, чей год истёк).

Бедные отмечены *mit der letzten Ängste Zeichen* / (знаком последних страхов). Страх в обычном понимании является недостатком. Однако О. Ф. Больнов, анализируя поэзию Рильке, отмечает, что сквозь страх достижимо подлинное существование [1, с. 94]. «Выдерживание страха становится тем требующим от человека высочайшим достижением, в котором единственно реализуется подлинность его существования» [Там же, с. 96]. Страхи, которые испытывают бедные, описаны как последние, то есть достигнувшие уже своего крайнего напряжения.

Мир города не является для бедных их миром, город использовал и выбросил их, подавил их волю (*ohne Willen sind und ohne Welt* / без воли и без мира). У бедных нет мира, в котором они чувствуют себя в безопасности.

В другом стихотворении «*Und deine Armen leiden unter diesen*» [10, с. 152] / («И сколько их, Твоих страдальцев нищих» [11]) описываются страдания, которые бедные испытывают в городе. Их состояние – это состояние больного человека в лихорадке (*glühen frierend wie in Fieberkrisen, leiden, schwer* / пылают, замерзая, в лихорадке, страдают, тяжело). В городе они практически мертвецы (*wie fremde Toten* / как чужие мертвые). Они олицетворяют собой грязь, смерть и разложение – *und sind beladen mit dem ganzen Schmutze, in Sonne Faulendes bespien* / (Плевки на них налипли, как на гнили [Там же]).

Г. Имхоф в своей книге «Бог Рильке» [18] пишет, что для алхимиков бедность являлась патологическим состоянием, болезнью (что свидетельствует о несоциальном характере феномена бедность). Это состояние объясняется болезнью временного несоответствия своему окружению [Ibidem, S. 109]. Бедные не соответствуют большому городу и больше ему не нужны, поэтому они становятся чужими для него, и город от них избавляется.

Вернёмся снова к стихотворению «*Sie sind es nicht. Sie sind nur die Nicht-Reichen*» [10, с. 136] / («Нет, не бедны они, а небогаты» [11]). Именно все эти качества: страх, отверженность, страдание, разложение

становятся условием того, что изгнанные из города бедные могут сохранить, сберечь землю, как говорит лирический герой, стать её талисманом:

*und doch: wenn deine Erde Nöte hätte:
sie reihte sie an eine Rosenkette und
trüge sie wie einen Talisman* [10, с. 136].

Но если бы земле нужда приспела,
она бы их на лестовку надела
и на руке носила от невзгод [11].

Эти внутренние состояния очищают бедных от негативного влияния города и приближают их к богу:

*Denn sie sind reiner als die reinen Steine
und wie das blinde Tier, das erst beginnt,
und voller Einfalt und unendlich Deine
und wollen nichts und brauchen nur das Eine:
so arm sein dürfen, wie sie wirklich sind* [10, с. 136].

Чисты, как голыши у водопада,
доверчивее, чем зверек слепой,
они Твои, лишь Ты им и отрада,
и в жизни только одного им надо:
вовек не расставаться с нищетой [11].

Бедные сравниваются с камнями (предмет природы / *Ding*) и животными, которые находятся в единстве с природой. Завершается стихотворение словами:

Denn Armut ist ein großer Glanz aus Innen [10, с. 136]...
Ведь нищета – великий свет нутра [11].

Отсюда следует, что бедность – это внутреннее состояние чистоты и близости богу, природе. Бедность – это принцип жизни, а не экономическое положение.

В одном из своих писем одному русскому адресату, задавшему вопрос по поводу Восьмой элегии, Рильке пишет, что «уровень сознания зверя помещает его в мир без того, чтобы он (подобно нам, людям) в каждое мгновение ставил бы мир перед самим собой; зверь есть *в* мире; мы же находимся *перед* миром, в силу особой специфики и особого устройства нашего сознания» [Цит. по: 14, с. 314]. М. Хайдеггер, анализируя поэзию Рильке, пишет о сущности человека: «Человек стоит напротив мира. Он не живет непосредственно в потоке и ветре цельного отношения (*Bezug*)» [Там же]. Приведённые цитаты помогают понять следующие слова:

*Die andern Menschen sind wie ausgerissen;
sie aber stehn wie eine Blumen-Art
aus Wurzeln auf und duften wie Melissen
und ihre Blätter sind gezackt und zart* [10, с. 139].

Другие – словно выдраны и смяты,
а эти – как заморские цветы:
восходят из корней, и словно мята
их листья и душисты, и чисты [11].

Бедные сравниваются с цветами, которые укоренились в бытии, которые, как и животные, *в* мире, а не *перед* миром. В этом преимущество их положения, их защищённость, в отличие от «вырванных» / (*ausgerissen*) людей. Они подчиняются ветру целого натяжения [14, с. 314], и он их поддерживает:

*Betrachte sie und sieh, was ihnen gliche:
sie rühren sich wie in den Wind gestellt
und ruhen aus wie etwas, was man hält* [10, с. 140].

Взгляни на них. Растут они так странно,
и весь их труд как будто на ветру,
как в кулаке их отдых ввечеру [11],

*getragen von den Tiefen wie ein Kahn,
und wie das Leinen auf den Bleicheplätzen
so ausgebreitet und so aufgetan* [10, с. 141].

Пучина их качает, как челны.
Они разостланы, как на лугу холстина
открытой чистоты и белизны [11].

Этим бедные похожи на вещи / (*Dinge*), которые тоже помещены в бытие:

Sie sind so still; fast gleichen sie den Dingen [10, с. 141].

Они глядят, как вещи, безответно [11].

Кроме того, с вещами их объединяет тишина / (*still*), они, как и вещи, не производят экзистенциального шума.

Лирический герой сравнивает бедных с детьми, которые ближе, чем все остальные люди, стоят к миру природы (и соответственно Богу) в связи с тем, что они воспринимают мир иначе. Детство – это время наивности и доверия, которое с возрастом утрачивается. Эти качества необходимы для того, чтобы быть «помещённым» в бытие. «Мир для него – еще прекрасная чаша, в которой не теряется ничто <...> Он не принуждает вещи жить всегда на одном и том же месте» [9].

*Des Armen Haus ist wie des Kindes Hand.
Sie nimmt nicht, was Erwachsene verlangen;
nur einen Käfer mit verzierten Zangen,
den runden Stein, der durch den Bach gegangen,
den Sand, der rann, und Muscheln, welche klangen;
sie ist wie eine Waage aufgehangen
und sagt das allerleiseste Empfangen
langschwankend an mit ihrer Schalen Stand.
Des Armen Haus ist wie des Kindes Hand* [10, с. 150].

Дом бедняка – как детская рука.
Что нужно взрослым, ей того не надо.
Жучок усатый, веточка из сада,
голышик из ручья, песка прохлада,
певуньи-раковинки – ей услада.
И как весам на коромысле взгляда,
ей с грузом нету никакого слада,
когда пушинка тяжелее клада,
а чашка с ней касается, легка.
Дом бедняка – как детская рука [11].

Бедность означает отказ от «мудрости» мира большого города, который представляет собой только сознательное, интеллектуальное мышление [18, S. 109]:

*Du, der du weißt, und dessen weites Wissen
aus Armut ist und Armutsüberfluss:* [10, с. 139].

Ты – ведатель, чьё веденье богато
великим изобильем нищеты [11].

Все описанные сравнения показывают иное мировоззрение, покорность и непротivление, а отсюда и «помещённость» в бытие, которые являются основными характеристиками бедных.

В последующих стихотворениях цикла наблюдается актуализация элементарного смысла метаконцепта «Бедные – талисман земли»:

*Sie sind wie Wächter bei verhängten Schätzen,
die sie bewahren, aber selbst nicht sahn* [10, с. 141].

Стоят они у тихого притина
на страже им неведомой казны [11].

Во второй части «Часослова» имеется стихотворение «*Ich bin nur einer deiner Ganzgeringen*» [10, с. 90] / («Аз есмь худый смиренный раб Твой» [11]), рассказывающее о сокровищницах непрожитых жизнью:

*Ich denke oft: Schatzhäuser müssen sein,
wo alle diese vielen Leben liegen
wie Panzer oder Sänften oder Wiegen,
in welche nie ein Wirklicher gestiegen,* [10, с. 90].

И мнится: есть палаты у казны,
где жизни все уложены в приделе,
словно кольчуги или колыбели [11].

Люди живут не-своей жизнью, и умирают не-своей смертью (подробнее см. [5]). Лирический герой задаётся вопросом, куда же девается непрожитая жизнь человека. Она хранится в сокровищницах / (*Schatzhäuser*). Бедные теперь являются стражами этих сокровищниц. Но то, что они не видели этих сокровищ, позволяет предположить, что они жили своей жизнью. Это предположение подтверждается стихотворением «*Und sieh, wie ihrer Füße Leben geht*» [10, с. 142] / («Вот как, о Боже, жизнь их ног бежит» [11]):

*Und sieh, wie ihrer Füße Leben geht:
wie das der Tiere, hundertfach verschlungen
mit jedem Wege; voll Erinnerungen
an Stein und Schnee und an die leichten, jungen
gekühlten Wiesen, über die es weht* [10, с. 142].

Вот как, о Боже, жизнь их ног бежит:
переплетясь с путями и тропами
тесней звериной жизни. Держит память
робеющая камень, снег и заметь
и над лужайкой молодой дрожит [11].

Бедные проживают свою жизнь в гармонии с бытием. Как и животные, они полны воспоминаний о жизни, о каждом прожитом дне, о пройденном пути. Они принимают жизнь во всех её проявлениях, и с радостями и с болью:

*Sie haben Leid von jenem großen Leide,
aus dem der Mensch zu kleinem Kummer fiel;
des Grases Balsam und der Steine Schneide
ist ihnen Schicksal, - und sie lieben beide* [10, с. 142].

Есть доля в них великой скорби с болью,
той, что бывает просто горем нам.
Судьба идет к ним с острой снежной солью
и с нежным духом трав по заколю [11].

Смирненное отношение к жизни позволяет им стать талисманом жизни. Такой же смысл имеет сравнение бедных:

1) с женщинами и матерями в стихотворении «*Und ihre Hände sind wie die von Frauen*» [10, с. 143] / («Их руки смотрят, как у женщин лица» [11]);

2) с ягодами в стихотворении «*Denn sieh: sie werden leben und sich mehren*» [10, с. 148] / («Пойми: плодиться им и размножаться» [11]):

*und werden wachsen wie des Waldes Beeren
den Boden bergend unter Süßigkeit* [10, с. 148].

Как ягоды к листьям, они ложатся,
на землю изливая алый мед [11].

Бедных от остальных людей отличает то, что они являются элементом продолжения жизни, необходимым элементом круговорота жизни. Смысл «Продолжение круговорота жизни» рассеивается в следующих направлениях: «бедные – это дождь», «бедные – это семя», «бедные – это пища для сохранения жизни».

Сравнение бедных с дождём указывает на их жизнедающую, жизнеподдерживающую функцию. *Wie der Frühlingregen* [10, с. 137] / (как весенний дождь) – задача дождя напоить землю, сделать возможным прорастание семени. В условиях большого города эта задача становится невозможной.

Wie Regen voll des Niederfalles in eines Dunkels junge Fruchtbarkeit [Там же, с. 146] / (и плодородье мрака насыщают, упав на целину его дождем [11]) – здесь сочетаются несколько элементарных смыслов: «плодородие», «падение» и «темнота». Бедные способствуют созреванию плода, поэтому они значимы для дальнейших событий. Кроме того, метафора дождя в других стихотворениях используется и для описания бога.

Более того, бедные могут быть тем семенем, из которого вырастает сам бог – *der Keim bereit sich bettet wie der Samen jenes Samens, aus dem du stammen wirst von Ewigkeit* [10, с. 146] / (и теплится, как семечко в постели, как семя в вечном семени Твоем [11]). В стихотворении «*Und sieh: ihr Leib ist wie ein Bräutigam*» [10, с. 147] / («Гляди же, Господи мой» [11]) они сравниваются с женихом в брачную ночь.

Бедные должны либо предоставить пищу для новой жизни, либо сами стать этой пищей. В этом состоит их жизнесохраняющий характер. Символика пищи восходит к символической евхаристии, при которой бог становился в виде вина и хлеба пищей для верующих, таким образом давая возможность соединиться с ним.

Бедные мелят хлеб для остальных людей:

*Sie sind nur kleine Steine, keine Mühlen,
aber sie mahlen doch ein wenig Brot* [10, с. 138].

Не мельницы, а жерновки ручные –
и все же могут хлеба намолоть [11].

Бедные сами являются одновременно и пищей, и источником этой пищи. Однако возникает вопрос: пищей для чего или для кого они являются? Ответ мы находим в стихотворении «*Des Armen Haus ist wie ein Altarschrein*» [10, с. 150] / («Дом бедняка – как чудо в алтаре» [11]):

*Des Armen Haus ist wie ein Altarschrein.
Drin wandelt sich das Ewige zur Speise,
und wenn der Abend kommt, so kehrt es leise
zu sich zurück in einem weiten Kreise
und geht voll Nachklang langsam in sich ein* [10, с. 150].

Дом бедняка – как чудо в алтаре.
Там Вечное становится ядомым,
а ввечеру опять бывает домом,
огромным кругом, внутрь себя ведомым,
оно идет, как эхо по заре [11].

Бедные являются пищей для вечного / (*das Ewige*), вечного круговорота жизни. О. Ф. Больнов в своей работе о творчестве Рильке пишет, человек чувствует себя защищённым только во всеохватывающей жизни природы, и её суть – вечный круговорот, так что начало является одновременно концом, а конец снова становится началом [17, S. 176].

В представлении лирического героя бедные – это иной, новый тип людей, благодаря которому возможно продолжение жизни, бытия. Они выступают гарантом поворота человека от мира большого города к миру природы, к истинному бытию.

*Sie werden dauern über jedes Ende
und über Reiche, deren Sinn verrinnt,
und werden sich wie ausgeruhte Hände
erheben, wenn die Hände aller Stände
und aller Völker müde sind* [10, с. 148].

Переживут они любые сроки,
держав и царств пустые времена.
Как руки после отдыха, широко
поднимутся, когда, уже беспроки,
опустят руки племена [11].

Это становится возможным благодаря их внутренней чистоте и «помещённости» в бытие, которые являются результатом их бедности.

Но на сегодняшний день им требуется защита от негативного влияния большого города, поэтому лирический герой просит бога:

*Und gibt es einen Mund zu ihrem Schutze,
so mach ihn mündig und bewege ihn* [10, с. 152].

Сыщи уста, чтоб их оборонили,
и, как врата, воздвигни их скорей [11].

Следующее стихотворение «*O wo ist der, der aus Besitz und Zeit*» [10, с. 153] / («Где ж он, великой нищеты творец» [11]) цикла посвящено защитнику и спасителю бедных Франциску Ассизскому, который воплощает идеал бедности.

Для языковой реализации индивидуально-авторской части метасмысла «Бедные как новый тип людей» концепта «Бедность» («Armut») были использованы следующие контекстуальные замещения ключевого слова, сравнения и метафоры: *Scherben* / (черепки), *Kalender* / (календарь), *Skelette* / (скелеты), *Talisman* / (талисман), *eine Blumen-Art* / (вид цветов), *Melisse* / (мелисса), *Wächter* / (стражи), *Kahn* / (челн), *Leinen* / (полотно), *Brot* / (хлеб), *Regen* / (дождь), *Bräutigam* / (жених), *Frau* / (женщина), *Waldes Beeren* / (лесные ягоды) и т.д.

Языковой уровень метасмысла репрезентирован следующими лексическими единицами:

1. существительные – *Ängste* / (страхи), *Willen* / (воля), *Welt* / (мир), *Staub* / (пыль), *Unrat* / (мусор), *Scherben* / (черепки), *Skelette* / (скелеты), *Kalender* / (календарь), *Stein* / (камень), *Tier* / (животное), *Haus* / (дом), *Kind* / (ребенок), *Melisse* / (мелисса), *Wurzeln* / (корни), *Verdruß* / (огорчение), *Blätter* / (листья), *Wind* / (ветер), *Ding* / (вещь), *Gerät* / (инструмент), *Freund* / (друг), *Wächter* / (стражи), *Kahn* / (челн), *Leinen* / (полотно), *Augen* / (глаза), *Hände* / (руки), *Vögel* / (птицы), *Leben* / (жизнь), *Füße* / (ступни), *Leiden* / (страдание), *Schicksal* / (судьба), *Mund* / (уста), *Stimme* / (голос), *Beere* / (ягода), *Regen* / (дождь), *Same* / (семя), *Fruchtbarkeit* / (плодородие), *Brot* / (хлеб), *Speise* / (пища), *Frucht* / (фрукт), *Ernte* / (урожай), *Erde* / (земля), *Stall* / (хлев), *Toten* / (мертвые), *Fieberkrise* / (кризис при лихорадочном состоянии), *Faulendes* / (гниющее) и т.д.;

2. прилагательные и причастия – *reich* / (богатый), *arm* / (бедный), *rein* / (чистый), *fremd* / (чужой), *frierend* / (замерзающий), *schwer* / (тяжелый), *warm* / (тёплый), *still* / (тихий), *leise* / (тихий), *ruhig* / (спокойный), *ausgebreitet* / (распростёртый), *aufgetan* / (раскрытый), *gezackt* / (зазубренный), *zart* / (нежный), *verrufen* / (пресловутый), *entblättert* / (с оборванными листьями), *entstellt* / (обезображенный), *zurückgegeben* / (возвращённый), *verteilt* / (разделенный) и т.д.;

3. глаголы – *leben* / (жить), *sich mehren* / (размножаться), *dauern* / (длиться), *sich erheben* / (возвышаться), *duften* / (благоухать), *stehn* / (стоять), *sich rühren* / (шевелиться), *ausruhen* / (отдыхать), *gleichen* / (быть похожим), *bewahren* / (сохранять), *dunkeln* / (темнеть), *lieben* / (любить), *gehen* / (идти), *erklingen* / (звучать), *atmen* / (дышать), *sprechen* / (говорить), *sehen* / (видеть), *sagen* / (говорить), *empfangen* / (встречать).

Смысловой, динамичный уровень метасмысла «Бедные – новый тип людей» концепта «Бедность» представлен следующими частными смыслами:

1. Бедность – внутренняя чистота и независимость от мира города.
2. Бедные «помещены» в бытие.

3. Бедность как основной принцип жизни:

- а) бедные – талисман жизни;
- б) продолжение круговорота жизни.

Метасмысл «Бедные – новый тип людей» обнаруживает в своей структуре множественные смыслы, которые входят в состав смысловой структуры других концептов смысла: *Ding* / (вещь), *Kind* / (ребенок), *Leben* / (жизнь), *Stadt* / (город), *Gott* / (бог), *das Gesetz der Schwere* / (закон тяготения).

Бедность предстаёт в «Часослове» не как социально-экономический, а как экзистенциальный феномен. Бедность противопоставляется богатству города и провозглашается новым естественным принципом жизни. Как экзистенциальный феномен, она является внутренним состоянием, характеризующимся отказом от обладания чем-либо, готовностью к гибели, самопожертвованию, «помещённостью» в бытие, полным принятием жизни и единением с природой как основой жизни (и тем самым единением с богом). Социально-экономическая бедность становится условием возможности достижения состояния внутренней бедности.

Бедные укоренились в бытии, они, как животные и растения, в мире, а не перед миром. В этом преимущество их положения, их защищённость, в отличие от «вырванных» людей большого города. Бедные доверчивы и наивны, как дети. В представлении лирического героя бедные – это иной, новый тип людей, благодаря которому возможно продолжение жизни, бытия. Они выступают гарантом поворота человека от большого города к истинному бытию.

Представленная работа не претендует на полный и исчерпывающий анализ исследуемого концепта. За рамками статьи остались связи концепта «бедность» («Armut») с некоторыми другими концептами или смыслами. Анализ и интерпретация этих смыслов, а также моделирование целостной концептосферы поэтического мира «Часослова» могут стать перспективой дальнейших исследований.

Список литературы

1. **Большов О. Ф.** Философия экзистенциализма: Философия существования / сост. Ю. А. Сандулов; пер. С. Э. Никулина. СПб.: Лань, 1999. 222 с.
2. **Воркачёв С. Г.** Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Изд-во КГУ, 2002. 142 с.
3. **Воркачёв С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
4. **Воробей И. А.** «Бог» и «ангел» в поэзии Р. М. Рильке: монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2007. 120 с.
5. **Воробей И. А.** «Жизнь-к-смерти» в «Часослове» Р. М. Рильке // Вестник Академии. 2011. № 4. С. 129-132.
6. **Карасик В. И., Слышкин Г. Г.** Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.
7. **Литвинов В. П.** Трудности поэтики // Герменевтика поэзии: коллективная монография. Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. С. 4-16.
8. **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
9. **Рильке Р. М.** Об искусстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.sky-art.com/rilke/prose/about_art/about_art04.htm (дата обращения: 06.01.2015).
10. **Рильке Р. М.** Часослов. Книга для чтения на немецком языке. СПб.: КОРОНА принт; КАРО, 2004. 160 с.
11. **Рильке Р. М.** Часослов. [Электронный ресурс] / пер. с нем. С. В. Петрова. URL: http://www.sky-art.com/rilke/poetry/prayer_book/prayer_book_1_ru.htm (дата обращения: 06.01.2015).
12. **Степанов Ю. С.** В мире семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5-42.
13. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
14. **Хайдеггер М.** К чему поэты? // Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: Философия другого Начала. М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2010. С. 299-346.
15. **Черкасова И. П.** Концепт «ангел» и его реализация в тексте: дисс. ... д. филол. н. Армавир, 2005. 296 с.
16. **Черкасова И. П.** Лингвистический анализ элегий Р. М. Рильке (лексика и синтаксис «Дуинских элегий»): дисс. ... к. филол. н. Пятигорск, 1995. 242 с.
17. **Bollnow O. F.** Rilke. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1956. 350 S.
18. **Imhof H.** Rilkes Gott: R. M. Rilkes Gottesbild als Spiegelung des Unbewußten. Heidelberg: Stiehm, 1983. 374 S.

THE POOR AS A NEW TYPE OF PERSON IN “THE BOOK OF HOURS” BY R. M. RILKE

Vorobei Inna Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Surgut State University
inna-sasha@rambler.ru

The article provides a comprehensive analysis and interpretation of the poetical concept “Poverty” in the cycle “The Book of Hours” by R. M. Rilke. The author introduces hermeneutic and linguistic method to study the poetical concept taking into account the processes of dispersion and crystallization of meaning. The paper focuses on the interpretation of the concept under study. Together with the level of meaning the researcher explores the semantic level of a concept. Poetical meanings form the different meaning of a concept on the basis of the generally adopted meaning. The paper analyzes the lexical and semantic structure of a concept, identifies the relations with other concepts of a cycle.

Key words and phrases: poetical concept; poetical word; dispersion of meaning; crystallization of meaning; R. M. Rilke; “The Book of Hours”; poverty; the poor.